

УДК 343.237

О.В. Глухова

СОУЧАСТИЕ В ПРЕСТУПЛЕНИИ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ, РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УКРАИНЫ

В статье проведен сравнительно-правовой анализ норм Уголовных кодексов Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины, регламентирующих дефиниции «соучастие в преступлении»: понятие соучастия в преступлении, характеристика отдельных видов соучастников и форм соучастия, особенность ответственности за преступление, совершенное в соучастии. Выявлены общие черты и существенные отличия в правовом регулировании этого института уголовного права, обозначены проблемные моменты, которые отмечают комментаторы уголовных законов. Сопоставление уголовных законодательств трех государств Восточной Европы относительно понятия «соучастие в преступлении» позволило выделить преимущества и недостатки каждого из них и сформулировать ряд предложений по совершенствованию Уголовного кодекса Республики Беларусь, опираясь на зарубежный опыт.

Введение

Совершение преступления в соучастии, несомненно, представляет большую общественную опасность по сравнению с преступлением, являющимся деянием одного лица. Сложение усилий соучастников, единая направленность воли нескольких субъектов, согласованность их поведения способствуют повышению вероятности достижения поставленной преступной цели, причем в более короткие сроки и с большей степенью вредоносности. Ощущение помощи блокирует сдерживающие факторы, повышается готовность к совершению более тяжких преступлений, способы совершения деяния приобретают более изощренные формы. Оказывается также большее психологическое давление на потерпевшего. В связи с этим традиционным для уголовного законодательства стран Восточной Европы является установление дифференцированных мер ответственности за деяния, совершенные в соучастии.

Законодатели трех соседних государств в Уголовных кодексах (далее – УК) значительное внимание уделяют соучастию в преступлении. Детальный анализ соответствующих статей уголовных законов позволяет констатировать наличие как общих подходов к его правовой регламентации, так и существенных отличий.

Общие черты правового закрепления соучастия в преступлении в УК Республики Беларусь, РФ и Украины проявляются в следующем:

- 1) практически идентичными (за некоторыми особенностями в УК Украины) являются законодательные определения понятия «соучастие в преступлении», следовательно, одинаков круг тех объективных и субъективных признаков, которые ему присущи;
- 2) к видам соучастников во всех изучаемых актах отнесены исполнитель, организатор, подстрекатель и пособник;
- 3) формами соучастия в преступлении, указанными в уголовном законе, являются группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа и преступная организация (в УК РФ – преступное сообщество);
- 4) отдельные нормы посвящены вопросам ответственности соучастников, в том числе при неудавшемся соучастии, эксцессе исполнителя, в случаях сложного соучастия, совершения преступления в составе организованной группы или преступной организации;
- 5) в Особенных частях УК содержатся самостоятельные составы преступлений, связанных с созданием, руководством и участием в деятельности наиболее опасных

преступных групп. К примеру, во всех трех кодексах преступлениями против общественной безопасности являются бандитизм (ст. 286 УК Республики Беларусь, ст. 209 УК РФ, ст. 257 УК Украины), создание преступной организации и участие в ней (стст. 285, 210 и 255 соответственно), создание незаконных вооруженных формирований (стст. 287, 208 и 260 кодексов). По ст. 256 УК Украины, кроме того, наказывается содействие участникам преступных организаций и сокрытие их преступной деятельности, а по ст. 258³ – создание террористической группы или террористической организации. По основному объекту посягательства преступные сообщества запрещены и в других главах уголовных законов. В УК РФ, например, преступлениями против основ конституционного строя и безопасности государства признаются действия по организации экстремистского сообщества (ст. 282.1) и организация деятельности экстремистской организации (ст. 282.2), а в соответствии с ч. 1 ст. 357 УК Республики Беларусь на этот же объект направлен заговор с целью захвата или удержания государственной власти неконституционным путем. На основании ст. 109 УК Украины, заговор о совершении действий в целях насильственного изменения либо свержения конституционного строя или захвата государственной власти – это преступление против основ национальной безопасности Украины. Преступлением против правосудия на основании ст. 410 УК Республики Беларусь и ст. 392 УК Украины является создание организованной группы с целью терроризирования в исправительных учреждениях осужденных или нападения на представителей администрации. Особый вид преступного сообщества закреплен в ст. 193 УК Республики Беларусь – объединение, посягающее на личность, права и обязанности граждан;

б) в целях повышения эффективности борьбы с организованной преступностью, стимулирования участников преступных сообществ к содействию правосудию в их изобличении и пресечении деятельности в ряде норм уголовных законов предусмотрены специальные основания освобождения членов организованных групп и преступных организаций от уголовной ответственности (ст. 20, примечание к ст. 357 УК Республики Беларусь, примечание к ст. 210 УК РФ, ч. 2 ст. 255 УК Украины).

Если говорить о различиях, то исходя из внутреннего строения кодексов, следует отметить, что соучастию в преступлении российский и украинский законодатели придают большую значимость. В УК РФ имеется отдельная глава 7 «Соучастие в преступлении» (стст. 32-36). Одноименный раздел 6 выделен в Общей части УК Украины (стст. 26-31). В Общей части УК Республики Беларусь соучастие раскрывается в стст. 16-20. Как видно, количество статей практически такое же, как и в уголовных законах России и Украины, но они структурно не обособлены, включены в главу 3 под названием «Преступное деяние» наряду с нормами о понятии преступления, его категориях, стадиях совершения умышленного преступления. На наш взгляд, это является упущением белорусских правотворцев, которые тем самым умаляют практическую важность соответствующих норм УК.

Обращает на себя внимание и структурирование норм о соучастии по статьям внутри названных глав УК. Соответствует теории учения о соучастии и облегчает работу с текстом закона такая группировка норм, когда отдельные статьи закрепляют понятие и признаки соучастия в преступлении (ст. 26 УК Украины и ст. 32 УК РФ), виды соучастников (ст. 27 УК Украины и ст. 33 УК РФ), формы соучастия (ст. 28 УК Украины и ст. 35 УК РФ), особенности ответственности соучастников (стст. 29-31 УК Украины, стст. 34 и 36 УК РФ). К сожалению, в УК Республики Беларусь единого критерия формирования статей о соучастии в преступлении не наблюдается. Так, в ст. 16 УК Республики Беларусь даются определение соучастия (ч. 1), классификация соучастников (чч. 2-6), некоторые правила квалификации деяний и ответственности соучастников (чч. 7-9). В то же время формам соучастия отведены три отдельные статьи 17-19, которые также касаются и вопросов ответственности соучастников. Отдельная ст. 20

УК Рэспублікі Беларусь змяшчае асновы вызвалення ад уласнага адказнасці ўдзельніка злачыннага арганізацыі ці банды.

Згодна ч. 1 ст. 16 УК Рэспублікі Беларусь і ст. 32 УК РФ, супасціем у злачынстве прызнаецца умашленае сумеснае ўдзелі дзвух ці больш людзей у совершэнні умашленага злачынства. Такая фармулёўка заімавана з ст. 34 Моделнага Уласнага кодэкса для гасударств-ўдзельнікаў Содружества Незавісных Гасударств (далей – Моделны УК). У ст. 26 УК Украіны даннае паняцце, захоўваючы практычна ідэнтычнае змест, сфармулявана больш дакладна: супасціем у злачынстве з'яўляецца умашленае сумеснае ўдзелі некалькіх суб'ектаў злачынства ў совершэнні умашленага злачынства [1]. Удачным, па нашаму меру, з'яўляецца існаванне ў прыведзенай дэфініцыі тэрміна «суб'ект злачынства», псколькі он больш адэкватна адражае і замацоўвае на ўзроўні УК такой абязальны прызнак супасціа ў злачынстве, як совершэнне дэяння не любымі людзьмі, а з'яўляючыміся, па адрэделенню В.М. Хоміча, «надлежачымі суб'ектамі», то ёсць: а) дасягчымі соотвасціваючага ўзраса; б) нахоўчыміся ў састанні вменямасці (уменьшанай вменямасці) ў час совершэння злачыннага дэяння; в) спосабнымі ў соотвасціі с законам несці уласнае адказнасць за содеяннае злачынства [2, с. 38–39].

Во ўсіх трох разгляданых нарматывных прававых актах разграначваецца непасрэднае і опосрэдаванае (посрэдаванае) існаванне. Пры гэтым ліш ў УК Рэспублікі Беларусь к апошнему аносяцца случаі існавання для совершэння злачынства людзей, котры дэявуюць па неасорожнасці. Даннае палажэнне аспараваецца радом прававедов, счотаючых невазможным прызнаваць опосрэдаваным існавателем суб'екта, дэявававшего чэрез ліцо, абладаючае свабоднай волей. А.П. Козлов прыводзіць ў абаснаванне следуычы аргументы: 1) пры неасорожном прычыненні ўрада пад ўплывам другога ліца імаецца непасрэднае існаванне – неасорожно дэяваючае ліцо, второго існавателя пры адном дэяванні і адном паследствіі, звязаных прычынна, быць не можа, даже еслі другое ліцо дэявавала умашлена; 2) іменна гэты існавателі і атвачае за содеяннае як аавтор злачынства; 3) здесь не ісклучана неасорожно супасціа, где соотвасціваючым абразом распрэделяюцца ролі [3, с. 97].

Псколькі ў уласным законодавстве ўсіх разгляданых стран, как і ў Моделным УК, аднозначна замацоўваецца ваможнасць совершэння ў супасціі толькі умашленых злачынстваў, счотаем неабходным распрэстраняць опосрэдаванае існаванне на случаі існавання неасорожного павадэння другога ліца для совершэння злачынства. Пры гэтым ліцо, фактычна існававшее аб'ектыўную старону саства злачынства, атвачае самостаятельно за неасорожное злачынства. Несмотря на множаественность дэяваючых людзей, супасціа не абразуецца ў сілу аотвасціа двустаронняй ваінаваы звязі і умашленай фармы ваіны. По дэяваючым рэдакціям соотвасціваючых статей УК РФ і Украіны, існаванне неасорожносці другога ліца невазможно анесці ні к супасцію ў злачынстве (арганізацыі ці подстрекателству к совершэнню злачынства па неасорожносці), ні к опосрэдаваному існаванню злачынства. Палачаецца, что ліцо, імавае і рэалізававшее злачынны умасел, не можа быць наказана, что протыворечыць прынцыпам законнасці, справядлівасці, неотвратимасці уласнага адказнасці.

Несмотря на аотвасціа ў законе прымого ўказання на даннаы від опосрэдаваннаго існавання злачынства, ў учебнай літэратуре і навучных коментарыях к УК РФ он прыводзіцца ў якасстве прымера і называецца сроді «іных варіантаў посрэдаванага прычынення» [4, с. 99; 5, с. 334]. Думаецца, что прэдагаемая кваліфікацыя з'яўляецца адзінавенна ваможнай і правільнай ў соотвасціі с устояваеся доктрынай супасціа как умашленага сумеснага дэяельнасці некалькіх людзей і рэбуе афіцыйнаго замацоўвання ў соотвасціваючых артыкулах УК РФ і Украіны.

В отличие от УК РФ и Украины, в ч. 4 ст. 16 УК Республики Беларусь обозначен как вид соучастника наряду с организатором еще и руководитель преступления. Считаем это преимуществом белорусского закона, поскольку при всей схожести и зачастую совпадении функций организатора и руководителя, выполнении их одним лицом имеется в ролях этих субъектов и своя специфика. Основным, что отличает руководителя преступления от организатора, является то, что организатор всегда выступает в качестве инициатора преступления. Организатору принадлежит «идея» совершения конкретного преступления, и все его последующие действия направлены на то, чтобы обеспечить претворение замысла в жизнь. Руководство исполнением преступления может осуществляться не только организатором, но и другим лицом во время совершения преступления (на стадии приготовления, покушения, оконченного преступления), и это лицо само нередко выполняет объективную сторону состава преступления, являясь и его соисполнителем. Функции руководства исполнением преступления включают такие действия, как расстановка соучастников на месте совершения преступления согласно распределенным ролям, детальная конкретизация действий каждого, корректировка действий соучастников в зависимости от изменившейся обстановки и т.п. Руководство организованной группой или преступной организацией характеризуется значительно более широким полем деятельности, а поэтому также обладает повышенной опасностью. Вследствие этого ответственность за оба варианта такой организаторской деятельности вполне оправданно получила специальную регламентацию в УК Республики Беларусь.

Роль подстрекателя практически одинаково определена в изучаемых актах: склонение к совершению преступления «другого лица» (ч. 5 ст. 16 УК Республики Беларусь, ч. 4 ст. 33 УК РФ) либо «другого соучастника» (ч. 4 ст. 27 УК Украины). В комментарии к названной норме УК Украины читаем: «Поскольку в ч. 4 ст. 27 речь идет про склонение «другого соучастника», то подстрекательством может быть признано только склонение к совершению преступления лица, которое может быть субъектом преступления. Склонение же к совершению преступления, например, невменяемого лица не является подстрекательством в уголовно-правовом смысле. В случае совершения последним преступления ответственность как исполнитель понесет лицо, которое склонило к нему» [6]. Таким образом, вновь констатируем более грамотное и адекватное применение уголовно-правовых категорий в украинском законе, позволяющее правильно толковать содержание правовых предписаний и избежать ошибок в квалификации.

В УК РФ и Украины предлагаются способы подстрекательства: уговор, подкуп, угроза, принуждение (только в ч. 4 ст. 27 УК Украины) или другие. Такой подход российского и украинского законодателя воспринимается неоднозначно. Традиционная позиция заключается в том, что способы подстрекательства слишком разнообразны, чтобы быть формализованными. Как говорит Ф.Г. Бурчак, в законе немислимо предусмотреть все средства, которыми подстрекатель может воспользоваться для создания мотивов, обуславливающих поведение подстрекаемого [7, с. 144]. Это тем более не рационально, поскольку сами предлагаемые перечни способов подстрекательства оставлены открытыми, предполагают наличие иных вариантов действий данного вида соучастников.

Что касается регламентации пособничества, то наблюдаем обратную ситуацию. Российский и украинский кодексы предлагают закрытые списки относящихся к нему деяний, а УК Республики Беларусь предусматривает возможность совершения пособничества также путем «оказания иной помощи». На наш взгляд, предпочтительнее формулировка ч. 6 ст. 16 УК Республики Беларусь, так как практике известны случаи оказания содействия в совершении преступления, не подпадающие ни под один из способов пособничества, перечисленных в ч. 5 ст. 33 УК РФ и ч. 5 ст. 27 УК Украины. Разные авторы к ним относят: укрывательство будущего преступника, средств или орудий будущего преступления; предоставление какого-либо помещения для непосредственно-

го совершения преступления; доставка жертвы или ее завлечение к месту совершения преступления; доставка соучастников к месту совершения преступления, их увоз с места происшествия; освещение места совершения преступления и др.

Упущением украинского законодателя является отсутствие среди способов интеллектуального пособничества такого, как предоставление информации, который, по мнению комментаторов УК, охватывается дачей советов и указаний [6]. Согласимся с белорусскими авторами в том, что «содействие преступлению советами или указаниями есть не что иное, как очевидно заинтересованное разъяснение исполнителю (или его наставление), каким образом лучше, удачнее, эффективнее, безопаснее совершить желаемое преступление. Предоставление информации как форма пособнических действий схожа с дачей советов и указаний, но все-таки представляет (выражает) передачу нужной и важной для преступника (исполнителя) информации без очевидной заинтересованности к факту совершаемого преступления» [2, с. 44]. Наличие личной заинтересованности по-разному характеризует степень общественной опасности деяния пособника, должно учитываться при индивидуализации меры ответственности, а потому целесообразно различать данные виды интеллектуального пособничества на уровне закона.

В УК Украины более широко трактуется интеллектуальное пособничество в виде заранее данного обещания скрыть совершенное преступление. Как и в УК РФ и Республики Беларусь, оно предполагает обещание скрыть преступника, орудия или средства совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем. Однако, кроме этого, пособничеством считается заранее данное обещание «иным образом содействовать сокрытию преступления» [1]. Думается, что такая оговорка излишня, поскольку варианты заранее обещанного укрывательства и так обозначены достаточно абстрактно, не конкретизированы по способам сокрытия, могут выражаться в любых действиях. Более того, в ч. 6 ст. 27 УК Украины, закрепляя отличие от соучастия заранее не обещанного укрывательства преступлений, законодатель не упоминает «иные» его способы.

Серьезные расхождения наблюдаются в части правового регулирования рассматриваемыми кодексами форм соучастия в преступлении. Если по поводу их классификации, как отмечалось, имеется единство подхода, то содержание признаков каждой из форм соучастия понимается по-разному. Согласно чч. 1 и 2 ст. 17 УК Республики Беларусь, группа лиц – это всегда соисполнительство (простое соучастие), независимо от наличия или отсутствия предварительного сговора соучастников. На основании анализа положений чч. 1 и 2 ст. 28 УК Украины и чч. 1 и 2 ст. 35 УК РФ можно заключить, что простым соучастием в них является лишь группа лиц без предварительного сговора (прямо указывается на участие в преступлении двух или более исполнителей), а в группе лиц по предварительному сговору возможно и соучастие с распределением ролей (сложное соучастие). Устанавливая субъектный состав соучастников в группе лиц по предварительному сговору, законодатель оперирует понятием «лицо», а не «исполнитель». Таким образом, закон не ограничивает круга участников группы в зависимости от выполняемых ими ролей в заранее согласованной совместной преступной деятельности [4, с. 109]. Конечно, критерии классификации форм соучастия, их наименование и содержание не должны быть тождественны в законодательстве разных стран, тем более что по этому вопросу существует множество теорий в науке. Однако если предположить, что исследуемые нормы правильно отражают замысел правотворческих органов, то следовало бы для более четкой дифференциации двух форм соучастия именовать их по-разному. Использование одного понятия «группа лиц» к абсолютно несопоставимым по содержанию явлениям некорректно. Если разница между этими формами соучастия состоит преимущественно в характере выполняемых соучастниками ролей, а не в факте предварительной договоренности о совместном совершении преступления, то и в их названии должны быть расставлены соответствующие акценты.

Одним из оснований выделения форм соучастия, закрепленным в ст. 28 УК Украины, выступает разное минимальное количество соучастников, совершающих преступление в составе группы лиц (два и более), организованной группы (три и более) и преступной организации (пять и более). В УК Республики Беларусь и РФ применительно к организованной группе и преступной организации действует общее требование института соучастия, согласно которому для их создания достаточно двух или более соучастников.

В соответствии с п. а) ст. 2 Конвенции против транснациональной организованной преступности, организованная преступная группа означает «структурно оформленную группу в составе трех или более лиц, существующую в течение определенного периода времени и действующую согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений или преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, с тем чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду» [8]. Таким образом, определение организованной группы, данное в УК Украины, в рассматриваемом аспекте в большей мере соответствует международному стандарту. Добавим также, что практически недостижимо для группы из двух лиц стать организованной согласно ст. 18 УК Республики Беларусь, которая предусматривает для этого такие обязательные признаки, как устойчивость, управляемость, предварительную объединенность, специальную цель. Так, если одно лицо организует и руководит преступным поведением другого, речь скорее идет о сложном соучастии, а не об управляемости как признаке организованной группы. С учетом масштабов деятельности и целей преступной организации, заявленных в ч. 1 ст. 19 УК Республики Беларусь, таких как разработка и реализация мер по осуществлению преступной деятельности или созданию условий для ее поддержания и развития, представляется обоснованным увеличение минимального количественного состава ее членов. Тем более что в соответствии с ч. 3 ст. 1 УК Республики Беларусь данный кодекс основывается на Конституции Республики Беларусь и общепризнанных принципах и нормах международного права.

Отметим также субъективность позиций законодателей трех государств в установлении обязательных признаков отдельных форм соучастия в преступлении. Для организованной группы едиными являются требования об устойчивости и предварительном объединении соучастников, создании организованной группы для совершения преступлений. УК Украины, называя характеристикой организованной группы составление плана и распределение функций соучастников, как и УК Республики Беларусь, фактически имеет в виду признак ее управляемости. Согласно УК РФ, преступная организация должна отвечать ряду условий: единство руководства объединением организованных групп, цели совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. В качестве варианта преступной организации признается «структурированная организованная группа» [9]. Для украинской преступной организации требуется: устойчивость, иерархичность объединения пяти и более лиц; предварительный сговор о совместной деятельности; цель непосредственного совершения тяжких или особо тяжких преступлений участниками этой организации, или руководства или координации преступной деятельности других лиц, или обеспечения функционирования как самой преступной организации, так и других преступных групп [1].

В разном объеме урегулированы в УК стран Восточной Европы т.н. специальные вопросы учения о соучастии в преступлении. Несомненным достоинством УК РФ является наличие в ч. 4 ст. 34 общей нормы о соучастии в преступлениях со специальным субъектом: «Лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части настоящего Кодекса, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника» [9].

В белорусском уголовном законодательстве аналогичное правило зафиксировано только в отношении воинских преступлений в ч. 2 примечаний к главе 37 УК и в постановлениях Пленума Верховного Суда Республики Беларусь о судебной практике по отдельным видам преступлений. Важность данного положения для правильной квалификации требует его закрепления на уровне уголовного закона, а не подзаконных актов, чтобы исключить разночтения и имеющие место исключения (например, сделанные для присвоения, растраты и хищения путем злоупотребления служебными полномочиями в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества»).

Во всех рассматриваемых УК содержится норма о квалификации деяний соучастников при эксцессе исполнителя (ч. 7 ст. 16 УК Республики Беларусь, ст. 36 УК РФ, ч. 5 ст. 29 УК Украины), но лишь в российском законе используется сам термин «эксцесс», что также следует признать его преимуществом и воспринять в УК Республики Беларусь и Украины. Лучше, на наш взгляд, урегулированы в ст. 31 УК Украины вопросы добровольного отказа соучастников и связанные с ними проблемы ответственности соучастников. Предлагается квалификация деяний организатора, подстрекателя и пособника при добровольном отказе исполнителя (ч. 1) и определяется ответственность исполнителя при добровольном отказе кого-либо из соучастников (ч. 3).

В ч. 4 ст. 29 УК Украины дается правовая оценка деяний соучастников в случае совершения исполнителем неоконченного преступления как соучастия в неоконченном преступлении. Согласно ч. 5 ст. 34 УК РФ, ту же ситуацию следует квалифицировать как приготовление к преступлению или покушение на преступление. Согласимся с мнением В. Питецкого, что «такая законодательная рекомендация является не совсем корректной, особенно при варианте покушения на преступление». Признание у других соучастников в таких случаях покушения на соответствующее преступление неадекватно отражает специфику содеянного ими, так как они не выполняют деяний, непосредственно направленных на совершение преступления. В итоге автором предлагается такая же квалификация, как в УК Украины [10, с. 51]. Соучастие в неоконченном преступлении пока не нашло отражения в законодательстве Республики Беларусь. С учетом сказанного восполнение этого пробела должно быть сделано на основе украинского образца.

Неудавшееся соучастие, когда действия соучастников не приводят к совершению преступления исполнителем, в ч. 5 ст. 34 УК РФ сведено, по сути, только к неудавшемуся подстрекательству. В литературе в связи с возможностью безрезультативности организаторских и пособнических действий обосновывается необходимость корректировки этой нормы [10, с. 51], фактически приведения ее содержания к тому, что закреплено в ч. 8 ст. 16 УК Республики Беларусь и ч. 5 ст. 36 Модельного УК.

Только в ч. 3 ст. 29 УК Украины установлено: «Признаки, характеризующие личность отдельного соучастника преступления, ставятся в вину лишь этому соучастнику. Другие обстоятельства, отягчающие ответственность и предусмотренные в статьях Особенной части УК в качестве признаков преступления, влияющих на квалификацию действий исполнителя, ставятся в вину лишь соучастнику, осознававшему эти обстоятельства» [1]. Данное положение имеет важнейшее практическое значение, устраняет дискуссии по этому поводу в науке и ошибки в правоприменительной деятельности. За введение такого рода нормы в ч. 7 ст. 16 УК Республики Беларусь выступает, в частности, В. Марчук, предлагая исчерпывающий перечень «обстоятельств, характеризующих личность соучастника и с которыми закон связывает повышенную уголовную ответственность» [11, с. 54].

Заключение

Анализ норм законодательства Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины позволяет констатировать нерешенность либо противоречивость в регламента-

ции отдельных вопросов ответственности за соучастие в преступлении и прикосновенность. На основе сопоставления соответствующих статей уголовных законов можно адресовать законодательным органам ряд рекомендаций по их изменению и дополнению. В УК Республики Беларусь, к примеру, на базе имеющихся статей 16–20 целесообразно выделить отдельную главу «Соучастие в преступлении». Дополнить ее можно положениями об отграничении соучастия от прикосновенности к преступлению, о соучастии в неоконченном преступлении и преступлении со специальным субъектом, о влиянии на ответственность соучастников обстоятельств, характеризующих личность одного из них. В Общую часть УК Республики Беларусь следует включить норму о прикосновенности к преступлению и ее формах, рассмотреть вопрос о возможности освобождения от уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство преступлений членов семьи и близких родственников лица, его совершившего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Украины от 05.04.2001 г. № 2341 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://meget.kiev.ua/kodeks/ugolovniy-kodeks/>. – Дата доступа: 16.09.2012.
2. Судебная практика в контексте принципов права и законности : сб. науч. тр. / редкол.: В.М. Хомич (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Тесей, 2006. – 352 с.
3. Козлов, А.П. Соучастие: традиции и реальность / А.П. Козлов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 362 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. – 5-е изд., доп. и испр. – М. : Юрайт-Издат, 2006. – 921 с.
5. Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. – М. : Новый юрист : КноРус, 1997. – 592 с.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://crimealawyers.com/komentar-do-statti-27-vidi-spivuchasnikiv>. – Дата доступа: 16.09.2012.
7. Бурчак, Ф.Г. Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы / Ф.Г. Бурчак. – Київ : Вища школа, 1986. – 207 с.
8. Конвенция против транснациональной организованной преступности : прин. резолюцией Ген. Ассамблеи ООН от 15.11.2000 № 55/25 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml. – Дата доступа: 17.09.2012.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.consultant.ru/popular/ukrf/>. – Дата доступа : 16.09.2012.
10. Питецкий, В. Неудавшееся соучастие в преступлении / В. Питецкий // Российская юстиция. – 2003. – № 4. – С. 51.
11. Марчук, В. Пределы квалификации деяний соучастников при наличии обстоятельств, относящихся исключительно к личности отдельного соучастника / В. Марчук // Судовы веснік. – 2006. – № 1. – С. 51–54.

Glukhova O.V. Implication in Crime in Criminal Legislations of the Republic of Belarus, the Russian Federation and the Ukraine

The article provides a comparative analysis of norms of Criminal codes of the Republic of Belarus, the Russian Federation and the Ukraine regulating implication in crime, namely: the concept of implication in crime, the characteristic of separate types of accomplices and forms of implication in crime, feature of responsibility for a crime committed in implication. Common features and essential differences in legal regulation of this institute of criminal law are revealed, problem points which are noted by commentators of criminal laws are designated. The comparison of criminal legislation of three states of Eastern Europe on a studied question allowed to allocate the advantages and disadvantages of each of them and to make some suggestions for the improvement of the Criminal code of the Republic of Belarus, based on foreign experience.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 13.12.2012